

ДЖАТАКА О ХРАНИТЕЛЕ КАЗНЫ

Высокое уважение, оказываемое за добродетели, которыми в данное время не обладаешь, действует на добродетельных, как укол стрекала. Помня об этом, должно стремиться к накоплению добродетели. Вот как об этом назидательно повествуется. Некогда Бодхисаттва был, как говорят, хранителем казны у одного царя; он был славен своею ученостью, происхождением, скромным поведением, возвышенным образом мыслей и совершенным умом; он честно вел дела, и благодаря прилежному изучению различных областей науки его изящная речь отличалась особенной красотой; он был сострадателен, обладал большим состоянием, и его богатства растекались во все стороны благодаря его щедрым даяниям; за все это он почитался сокровищем среди домохозяев.

1. И от природы праведностью наделенный, ученостью он был украшен и прочими высокими достоинствами, поэтому народ считал его единственно достойным уважения.

И вот однажды, когда Великосущный отправился к царю во дворец по какому-то делу, к нему в дом пришла его теща навестить свою дочь.

После обычных приветствий они стали беседовать, и вот теща наедине, предварительно осведомившись у своей дочери, супруги Бодхисаттвы, о ее здоровье, стала расспрашивать ее:

«Не пренебрегает ли тобою супруг твой, моя доченька? Умеет ли он проявлять к тебе свое внимание? Не мучит ли он тебя дурным обращением?»

Дочь, в смущении опустив глаза, тихо промолвила:

«Такой, как у него, добродетельный характер и благородное обращение, трудно встретить даже у нищенствующего монаха. Кто же может сравниться с ним?»

Ее мать, у которой от старости ослабели слух и память, не поняла как следует эти слова дочери, которые к тому же были произнесены ею от стыдливости тихо и невнятно, и при упоминании о нищенствующем монахе пришла в твердую уверенность, что ее зять стал нищенствующим монахом. Тотчас же она разразилась громкими рыданиями и, охваченная ужаснейшей скорбью, стала причитать и выражать свое соболезнование дочери:

«Что это за добродетельный характер и благородное обращение? Да разве добродетельный человек уйдет от мира, оставив на произвол судьбы свою любящую семью? Да зачем ему, наконец, уходить от мира?»

2. Он нежен так, прекрасен, молод и от рожденья глубоко привычен к наслаждениям, и государь его высоко ценит - так почему же ум его склонился к жительству в лесу?

3. Не видел от семьи своей он огорчений, и старость красоту его не унесла - так почему же он в одно мгновение и без боли оставил вдруг свои дом, в котором, как река, богатство льется?

4. Ведь он украшен скромным поведением и мудростью, любовью к добродетели и состраданием к ближним; каким же образом по отношению к своей семье подобный, легкомысленный, жестокий шаг смог допустить он?

5. Он, столь внимательный к монахам - нищим и брахманам, ко всем, кто состоит под покровительством его, к друзьям, к родным, а также к обездоленному люду; он, видевший свое богатство в чистом, благородном поведении, - чего же, не достигнув дома, достигнуть хочет он, живя в лесу?

6. Покинув неповинную ни в чем и полную любви супругу, с ним связанную исполнением долга, как он не видит, что в своей высокой ревности к закону он преступает путь закона сам?

7. Увы, противна мне судьбы жестокость, раз можно преданных родных покинуть или оставить сердцем сострадания путь для исполнения хоть капельки закона!»

Тогда супруга Бодхисаттвы, слушая эти жалостные, искренние сетования своей матери по поводу того, что ее супруг оставил мир, по своей женской природе была уязвлена всем сердцем и пришла в сильное волнение; смущение и замешательство отразились на ее лице, и, глубоко потрясенная нахлынувшей скорбью и горем, она, забыв, с чего начался разговор с матерью, решила, что ее супруг сделался нищенствующим монахом, и вот мать, услышав эту ужасную новость, пришла к ней в дом, чтобы ее утешить. Разразившись потоком страшных воплей и рыданий, молодая женщина пришла в совершенное исступление. Услышав об этом, домочадцы и слуги, в свою очередь потрясенные скорбью и горем, подняли страшный крик. Прослышав об этом, соседи, друзья, родственники и свойственники, живущие под его покровительством, брахманы и домохозяева, исполненные глубокой любви к хранителю казны, а также большая часть горожан собрались у его дома.

8. И так как он обычно разделял и радости, и горести людей, то и все люди, словно научившись у него, участниками стали радости его и горя.

И вот Бодхисаттва, возвращаясь из царского дворца и приблизившись к своему дому, услышал громкие крики и вопли, которые неслись из дома, и, увидев громадное скопление народа, велел своему слуге пойти и узнать в чем дело. Тот разузнал о случившемся и, вернувшись, сказал ему:

9. «Разнесся слух, что ты, о господин, оставив свой богатый дом, монахом сделался и нищим; о том услышав, из любви к тебе народ сбежался отовсюду».

И вот Великосущный был словно пристыжен в своей душе, чистой от природы. Взволнованный и смущенный, он впал в такое раздумье: «О счастье! Какого возвышенного мнения обо мне народ!

10. Когда народ почтил меня таким высоким мнением о добродетелях моих, останусь если я привязанным к домашней жизни, к чему тогда мне мужество мое?

11. Ведь может разойтись молва о склонности моей к порокам, неуважению, презрению к добродетелям, и в силу этого и мнение обо мне среди добродетельных изменится. Ну как же жить мне дальше в положении таком?

12. И посему я действием почту народа веру в добродетели мои, оставив дом, вместилище дурных страстей, из-за любви святой к подвижнической жизни».

После этих размышлений Великосущный вернулся и просил снова доложить о себе царю: «Хранитель казны снова хочет видеть государя».

Получив разрешение, он, войдя и с надлежащим почтением приветствовав царя, приблизился к нему. «В чем дело?»- обратился к нему царь. Он сказал: «Я хочу оставить мир, и потому да благоволит государь дать мне свое разрешение сделать это».

Тогда царь, взволнованный и крайне смущенный, с любовью обратился к нему со следующими словами:

13. «Я жив еще, ты для меня дороже всех друзей, родных... Из-за какого же несчастья ты уходишь в лес? И разве я не в силах устранить несчастье деньгами, либо мудростью житейской, либо великой силою моей?

14. Если нужду испытываешь в деньгах, возьми ты денег у меня; беда ль грозит откуда - ее я отвращу, меня, который с просьбой обращается к тебе, и всю родню покинув, на что другое помышления свои направил и почему ты в лес уходишь?»

С такими словами, исполненными теплой любви и глубокого уважения, обратился царь к Великосущному, и тот в ответ на них ласково промолвил:

15. «Откуда может быть беда у тех, кого твоя десница осеняет? Иль о деньгах печальная забота? Поэтому я удаляюсь в лес не от страданий; узнай же то, что побудило к этому меня!

16. Повсюду слух разнесся, государь, что на себя обет великий принял я. Людей большие толпы впали в скорбь, в слезах их лица, поэтому хочу я жить в лесах безлюдных: ведь допускает весь народ возможность, что добродетелью такой я обладаю!»

Царь сказал:

«Не должен ты нас покидать из-за одних лишь слухов, распространившихся в толпе! Ведь блеск добродетелей, тебе подобных, не возрастает от того, что ты будешь заботиться о толках народа, равно как и не ослабевает, если ты оставит их без внимания.

17. Родившись в воображенье своенравном, молва людская без узды повсюду бродит, и даже тот, кто стал бы близко к сердцу принимать ее, смешон бы был; что ж говорить о том, кто стал бы действовать, сообразуясь с ней?»

Бодхисаттва сказал:

«Нет, не говори так, великий государь! Разве не должны мы действовать согласно высокому мнению народа о нас? Взгляни, о государь:

18. Ведь если человек достигнет уважения людей и назовут его все "мужем жизни праведной", тогда муж добродетельный не должен ниже славы быть; хотя бы от стыда возьмет пусть на себя он это бремя.

19. Когда предположенье высоких добродетелей в ком-либо себе находит подтверждение так или иначе, тогда оно сияет яркой славой, в противном случае оно подобно пересохшему колодцу.

20. А ложный слух о добродетелях, растущий без всяких оснований, расстроенный, разрушенный при испытании, разбить способен в прах людскую славу, и лишь с трудом она возникнуть сможет вновь!

21. Поэтому я покидаю и семью и состоянье, которых - корень зол всех - нужно избегать, как черных змей, поднявших в злобе головы; тебе, о государь, не подобает ставить в этом мне преграды!

22. Ты предлагаешь деньги мне; из-за своей признательности и любви обычно так ты поступаешь по отношению к верным слугам. Но что, однако, мне, мир покидающему, деньги, с благами связанные, с низкими страстями?»

Этими словами Великосущный убедил царя и, получив от него разрешение, отправился в лес.

И вот друзья, знакомые и покровительствуемые Бодхисаттвой люди, приблизившись к нему, заливались потоками скорбных слез и обнимали его ноги, стараясь его удержать. Некоторые, с мольбой протягивая к нему руки, преграждали ему путь; другие приветливо подходили к нему и,

обнимая, старались увести его обратно по направлению к дому. Одни из любви обращались к нему с грубыми словами, понося его один так, другой иначе, другие указывали ему на друзей и родственников, что следует иметь сострадание и к ним. Одни прилагали все усилия, чтоб удержать его, связывая доводы рассудка с учением священного писания, доказывая, что состояние домохозяина - самое святое состояние; другие то описывали трудности жизни в пустыне лесной, то умоляли выполнить до конца лежавшие на нем обязанности, то говорили о сомнительности награды в будущем мире. И вот, глядя на противящихся его оставлению мира, настойчиво старавшихся удержать его от ухода в лесную пустынь, своих друзей, лица которых были залиты слезами, он, несомненно, так думал:

23. «Те, кто друзьями признают себя, когда друг заблуждается, должны подать ему благой совет, хотя бы и жестокий. Таким путем, согласным с праведным законом, идут все добродетельные; еще лучше, если их благой совет к тому же и приятен.

24. Каким же образом в умах их здравых мысль возникла, что дом сей - лучше пустыни лесной, что, ни о чем не думая, стремятся удержать меня от жительства в лесу, как будто бы оно с греховным связано?

25. Умершего, иль умирающего человека, или отпавшего от праведности - таких людей оплакивать нам должно; но почему они оплакивают и меня, живого, но желающего жить в лесу?

26. Если причина скорби их - со мной разлука, то почему бы им не жить в лесу со мною вместе? А если их дома для них милей меня, зачем же расточают они слезы?

27. Допустим, что любовь к семье не позволяет им теперь на путь подвижнический стать; так почему мысль о любви к семье им не являлась в битвах?

28. Их доблесть видел я в години тяжких испытаний; как будто ясно из потоков слез видна их дружба, к тому ж глубокие имеющая корни; однако здесь она близка к обману: они ведь не идут со мною вместе!

29. Как уваженье к человеку, достойному такого уваженья, когда они стремятся удержать его, их заставляет речь прервать и заливать слезами лица, а головы-склонять в поклонах?

30. Подобным образом любовь должна в них пробудить похвальное решенье оставить мир, чтоб это не было игрой актеров, стыд вызывающей у праведных людей.

31. Найдутся два-три друга непременно у самого порочного, когда его несчастье постигнет; но чрезвычайно трудно друга даже одного найти тому, кто отправляется в лесную пустынь, хотя бы был он добродетелью возвышен.

32. И даже те, кто увлекали меня вперед в сраженьях, опасных от слонов безумных, теперь не оставляют мир, не следуют за мною в лес; да подлинно ли я все тот же и они веете же?

33. Не помню, чтоб по отношению к ним я совершил дурной поступок, который мог бы стать причиной охлаждения их любви; быть может, поведению друзей причиной то, что, они думают, составит мое счастье?

34. Или отсутствие во мне достоинств тому причина, что в лес за мной не следуют они? В чьей власти разлучить сердца, привязанные добродетелью друг к другу?

35. К чему теряюсь я в догадках праздных, думая о тех, которые не видят пороков явных жизни в доме и пустыни лесной достоинств: ведь очи знания для них закрыты!

36. Они не в состоянии покинуть наслаждения земные - страдания и здесь и в мире том причинен вот теперь они все отвергают жизнь в лесу, тем наслаждениям враждебную, а также и меня! Да сгинет наваждение это!

37. Впоследствии я силою добра, что в пустыни лесной приобрету, в конец соблазны мира сокрушу, которыми теперь друзья мои и люди так одурманены, что их сердца спокойствия не ищут».

38. И после этих размышлений Бодхисаттва, душою укрепившись в решении своем, все предложения друзей, хоть исходили из любви они, решительно отвергнув ласковой, приятной речью, в лесную пустынь удалился.

Таким образом, «высокое уважение, оказываемое за добродетели, которыми в данное время не обладаешь, действует на добродетельных, как укол шпоры; помня об этом, должно стремиться к накоплению добродетели».

[Вот почему тот добродетельный муж, который за свои добродетели считается нищенствующим монахом или последователем Будды, должен стремиться к тому, чтобы действительно украсить себя прекрасными добродетелями этого состояния.

Это же следует приводить, говоря о том, как трудно найти спутника в деле достижения добродетели.]